Людмила Бокова *и её Агентство поддержки государственных инициатив – лидер и вожатый создания решений сложнейших проблем воспитания детей в наше насыщенное информационными технологиями время.*

Владимир Яценко

ВОЖАТАЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Людмила Николаевна Бокова – Президент Агентства поддержки государственных инициатив.
Агентство создано в 2021 году.
В ВНИОПТУСХ – филиале ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ – состоялась встреча с научным советом коллектива. В рамках встречи Бокова Людмила Николаевна ответила на вопросы, касающиеся проектов Агентства, направленных на работу с детьми и педагогами страны.

У Агентства много масштабных инициатив. Вот некоторые из них:

- «Единый урок безопасности в сети “Интернет”» – просветительская акция в сфере информационной безопасности детей.
- Портал «Учеба. Онлайн» – ресурс для повышения цифровой грамотности участников образовательных отношений.
- Проект «Сетевичок» – образовательный портал с системой дистанционного обучения и онлайн-мероприятиями по информационной безопасности детей.
- «Педагогическая лига» – цикл бесплатных конкурсов профессионального мастерства для педагогов.
- Комплекс программ повышения квалификации для работников образования.

Темы разнообразны: от защиты персональных данных и профилактики интернет-мошенничества до исторического просвещения, работы с детьми из семей участников СВО и применения ИИ в образовании. По итогам обучения выдаётся удостоверение о повышении квалификации или диплом о профессиональной переподготовке. Центр правового информирования и просвещения оказывает бесплатную юридическую помощь.

– Людмила Николаевна, сегодня трудно представить ребёнка вне цифровой среды. Но понимаем ли мы до конца, насколько сильно интернет изменил само детство?

– Мне кажется, главное изменение произошло тогда, когда интернет перестал быть для ребёнка отдельным занятием. Ещё сравнительно недавно взрослый мог сказать: ребёнок пришёл из школы, сделал уроки, потом на час сел за компьютер. Сегодня такой границы практически нет. По данным одного из исследований 2026 года, 86 процентов опрошенных школьников проводят онлайн в среднем около четырёх часов ежедневно. Если просто пересчитать это на год, получается около полутора тысяч часов. Поэтому цифровая среда – уже не устройство и не канал получения информации. Это значительная часть пространства социализации современного ребёнка.

И отсюда следует довольно серьёзный вывод. Мы традиционно очень внимательно относимся к среде, в которой растёт ребёнок. Нас интересует, в какой школе он учится, с кем общается, какие книги читает, чем занимается после уроков. Но несколько часов его ежедневной жизни проходит в пространстве, где одновременно присутствуют друзья, незнакомые взрослые, коммерческие алгоритмы, блогеры, мошенники, игровые механики, средства массовой информации и теперь ещё системы искусственного интеллекта. Причём всё это находится буквально на одном экране.

Поэтому мне кажется устаревшим само выражение «безопасность ребёнка в интернете», если под ним понимается только защита от отдельных опасных сайтов. Перед нами гораздо более широкая задача – научить человека жить в цифровом обществе. Уметь распознавать манипуляцию, понимать ценность своих персональных данных, проверять информацию, видеть последствия собственных публикаций, понимать, когда тобой пытаются управлять, и знать, когда необходимо обратиться за помощью. Это уже вопрос не только информационной безопасности. Это вопрос самостоятельности человека.

– Ваши проекты в сфере информационной безопасности охватили уже около 11 миллионов детей. Когда эта работа начиналась, Вы представляли, что она приобретёт такой масштаб?

– Здесь для меня особенно интересно сравнивать сегодняшний день с 2014 годом. Именно тогда по итогам парламентских слушаний в Совете Федерации появился Единый урок безопасности в сети «Интернет». Тогда мы во многом ещё доказывали необходимость самой темы. Нужно было объяснять, почему школа вообще должна заниматься вопросами поведения ребёнка в интернете и почему

недостаточно установить антивирус или ограничить доступ к определённым ресурсам.

Прошло более десяти лет. Сегодня совокупный охват наших просветительских проектов составляет около 11 миллионов детей. Но я бы не хотела превращать эту цифру исключительно в показатель масштаба организации. Для меня гораздо интереснее то, что произошло с самой темой за эти годы. То, что начиналось как общественная и экспертная инициатива, постепенно стало частью системной работы в сфере образования. Сегодня Единый урок реализуется при участии Минпросвещения России, Минцифры России и субъектов Российской Федерации, а работа федеральной инновационной площадки включает уже не только просветительские мероприятия, но и разработку, и апробацию методик, исследования и подготовку предложений.

Государственная система не всегда должна сама изначально изобретать каждое решение. Общественная инициатива может увидеть проблему раньше, собрать вокруг неё специалистов, проверить разные подходы на практике. Для такой задачи уже необходима кооперация общественных институтов, образовательной системы и государства.

– За этими 11 миллионами – дети из совершенно разных семей и регионов. Что такой масштаб позволил Вам понять о современных детях?

– Наверное, главный парадокс состоит в том, что техническая компетентность ребёнка и его способ-

ность безопасно вести себя в цифровой среде – совершенно разные вещи. Иногда взрослому кажется: если ребёнок быстрее него разбирается в телефоне, значит, он лучше понимает интернет. Но умение установить приложение, найти информацию или пользоваться несколькими социальными сетями ничего не говорит о способности распознать социальную инженерию, оценить достоверность сообщения.

Цифровая уверенность способна создавать дополнительный риск. Человек перестаёт ощущать себя неопытным. Ребёнок знает, куда нажать, и поэтому ему кажется, что он понимает происходящее. Чтобы обмануть человека, зачастую не требуется взламывать устройство – значительно проще убедить его самого совершить действие.

За годы работы мы постепенно смещались от модели «расскажем детям перечень опасностей» к другой модели – формированию способности принимать решения.

– Вы довольно рано пришли к тому, что работать только с детьми недостаточно. Почему родители и педагоги стали отдельной аудиторией ваших проектов?

– От ребёнка требуют безопасного и осознанного поведения в цифровой среде, но взрослые, которые должны ему в этом помогать, сами оказались первым поколением родителей и педагогов, столкнувшимся с этой задачей. Никого из нас в детстве не учили, что делать, если ребёнка травят в групповом чате, как реагировать на контакт несовершеннолетнего с неизвестным человеком в сети или как разговаривать с ним о цифровой репутации. Если мы обучили школьника, но педагог не знает, что делать при цифровом конфликте между учениками, половина системы отсутствует. Если родитель знает только один способ обеспечения безопасности – отобрать телефон, ребёнок очень быстро научится скрывать от него свою цифровую жизнь.

И здесь появляется важная мысль, которую мы поняли именно благодаря многолетней практике: одним из критериев безопасности является не количество установленных запретов, а наличие у ребёнка взрослого, к которому он действительно придёт после ошибки.

– Кто тогда отвечает за безопасность ребёнка: семья, школа, государство или технологические компании?

– Мне кажется, сама постановка вопроса «кто отвечает» часто приводит нас в тупик, потому что каждый участник способен указать на другого. Родитель скажет, что платформа должна удалять опасный контент. Платформа напомнит об ответственности семьи. Школа скажет, что воспитание начинается дома. Государство установит требования, но никакой нормативный акт не сможет находиться рядом с конкретным ребёнком в момент опасности.

Поэтому правильнее говорить об архитектуре ответственности. Государство формирует правовые рамки и механизмы защиты. Технологическая индустрия отвечает за безопасность создаваемых ею продуктов и решений. Образовательная система должна формировать знания и навыки. Семья создаёт доверительную среду и помогает ребёнку применять эти знания в реальной жизни. А по мере взросления всё большая доля ответственности переходит к самому человеку.

И последнее для меня – принципиально. Если вся наша система информационной безопасности построена только на том, чтобы взрослый постоянно контролировал ребёнка, значит, мы построили систему, которая перестанет работать в день его совершеннолетия. Конечная цель совершенно иная: постепенно передать ответственность самому человеку. В этом смысле информационная безопасность является частью воспитания.

– За десять с лишним лет изменились сами цифровые угрозы. Что оказалось самым существенным изменением?

– Я бы сказала, что произошло перемещение от проблемы доступа к проблеме воздействия. На первом этапе значительная часть дискуссии была посвящена вопросу: к какой информации ребёнок может получить доступ? Это остаётся важным. Но сегодня не менее существенный вопрос звучит иначе: каким образом цифровая среда воздействует на решения, представления и поведение ребёнка?

Современный пользователь не самостоятельно выбирает информацию. Значительную её часть выбирают для него алгоритмы. Они определяют последовательность публикаций, рекомендуемые видео, новые сообщества, товары, темы. Кто-то или что-то постоянно определяет, какую часть мира мне показать. А появление генеративного искусственного интеллекта добавляет ещё один уровень. На протяжении десятилетий мы учили детей искать информацию. Теперь возникает противоположная задача – уметь сомневаться в найденном. Текст может быть убедительным и ошибочным. Фотография может изображать событие, которого никогда не происходило. Голос человека можно воспроизвести без его участия. Поэтому критическое мышление из полезного образовательного результата постепенно превращается в навык безопасности.

– Тогда искусственный интеллект принципиально меняет и само понятие информационной безопасности?

– Раньше мы в значительной степени защищали человека от опасной информации. Теперь нам всё чаще придётся защищать его от убедительной информации. Это гораздо более сложная задача. Значительно труднее научить человека остановиться именно тогда, когда всё выглядит правдоподобно.

Есть ещё один вопрос, который пока обсуждается гораздо меньше. Искусственный интеллект становится не только источником информации, но и собеседником. Для ребёнка, особенно младшего возраста, эмоциональное взаимодействие с цифровым собеседником может восприниматься иначе. Значит, нам предстоит обсуждать уже не только достоверность ответов искусственного интеллекта, но и характер отношений человека с такими системами.

Поэтому я не разделяю ни технологического оптимизма, ни технологического страха. Запретить разви-

тие технологий невозможно и не нужно. Но каждое расширение возможностей человека должно сопровождаться расширением его способности этими возможностями ответственно пользоваться. Для образования это становится одной из центральных задач ближайших лет.

– Интернет не признаёт государственных границ. Возможно ли вообще обеспечить информационную безопасность детей силами одного государства?

– На национальном уровне можно сделать очень многое: сформировать законодательство, требования к образовательной среде, механизмы защиты, подготовить педагогов, создать собственные технологии. Россия за последние годы накопила в этой сфере значительный практический опыт. Но природа самой цифровой среды трансгранична.

Поэтому международное сотрудничество здесь необходимо хотя бы на уровне обмена знаниями.

– Может ли защита детей стать одной из тем, способных сохранять международный диалог даже в периоды политических противоречий?

– Можно сравнивать образовательные методики. Можно совместно исследовать новые риски. Можно обмениваться практиками подготовки педагогов и родителей. Для нас это особенно интересно потому, что российский опыт уже имеет масштаб, позволяющий обсуждать не отдельный эксперимент, а систему. Именно так и выглядит содержательная общественная дипломатия – не разговор ради разговора, а совместная работа над проблемой, которая касается всех.

– И всё-таки: каким должен быть результат всей этой огромной работы? Как понять, что мы действительно подготовили ребёнка к жизни в цифровом мире?

– Мне кажется, здесь очень легко выбрать неправильный показатель. Можно посчитать количество уроков, участников, мероприятий, разработанных материалов. Для управления большими проектами эти показатели необходимы, и мы сами ими пользуемся. Но ни один из них сам по себе не отвечает на главный вопрос – изменилось ли поведение человека.

И, пожалуй, в этом заключается главный вывод более чем нашей десятилетней работы. Мы начинали с вопроса о том, как защитить ребёнка в интернете. Сегодня я сформулировала бы задачу иначе: как воспитать человека, который способен защитить себя сам, не теряя при этом способности доверять людям, пользоваться возможностями технологий.

– Когда говорят об информационной безопасности, сама тема зачастую кажется достаточно узкой и технической. Но в Ваших проектах участвуют не только специалисты по технологиям. Почему вокруг этой проблематики сформировалось целое научно-экспертное сообщество?

– На самом деле это один из самых интересных парадоксов нашей работы. На первый взгляд, информационная безопасность действительно воспринимается как достаточно специализированная область: технологии, программное обеспечение, защита данных, настройка доступа. Но как только в центре этой системы оказывается ребёнок, исключительно технического подхода становится недостаточно. В результате мы оказываемся одновременно на территории технологий, права, педагогики, возрастной и социальной психологии. Поэтому для нас принципиально важно, что вокруг проектов постепенно сформировалось собственное профессиональное сообщество. Его научным руководителем является Ольга Сергеевна Коровина, а сегодня оно объединяет 468 педагогов-экспертов. И здесь важна именно эта цифра: речь идёт не о нескольких специалистах, которые однажды подготовили методические материалы, а о большом экспертном контуре. Практика позволяет видеть реальные ситуации и проверять, насколько предлагаемые решения вообще применимы.

За годы работы мы пришли к важному выводу: в этой сфере очень опасны простые ответы. Например, можно технически заблокировать определённый ресурс, но невозможно таким способом сформировать у ребёнка способность распознавать манипуляцию. Можно юридически запретить определённый контент, но правовой запрет сам по себе не объясняет подростку, почему привлекательное для него предложение может оказаться опасным. Можно рассказать родителю о средствах контроля, но никакая программа родительского контроля не заменяет отношений, при которых ребёнок сам расскажет взрослому о произошедшем. Поэтому сегодня мы рассматриваем информационную безопасность детей именно как междисциплинарную область, где технологическое решение необходимо постоянно проверять педагогикой, психологией и правом. Мы фактически изучаем новую среду социализации человека.

– Получается, что и сама проблема уже перестала быть исключительно российской? Ребёнок может жить в одной стране, пользоваться сервисом из другой, смотреть контент, созданный в третьей, и общаться с людьми по всему миру.

– Именно так. И, на мой взгляд, это одно из принципиальных изменений последних лет. Национальное законодательство по своей природе действует в определённых государственных границах, национальная система образования также имеет свои границы, а информационная среда их практически не замечает. Значительная часть цифровых сервисов и технологий имеет зарубежное происхождение, информация распространяется между странами за секунды, а участниками одного цифрового сообщества могут одновременно быть люди, находящиеся в совершенно разных правовых и культурных пространствах.

При этом существует ещё одна сторона вопроса, которую иногда упускают. В России живут и учатся иностранные граждане, в том числе дети. Российские граждане и русскоязычные семьи, в свою очередь, живут за пределами Российской Федерации. Поэтому нельзя представить современное просвещение в области информационной безопасности как разговор исключительно с ребёнком, который родился, живёт и постоянно находится внутри одной национальной информационной системы. Реальная аудитория гораздо сложнее. У неё могут различаться язык, культурный опыт, привычные цифровые сервисы и даже представления родителей о допустимом поведении ребёнка в интернете.

И, возможно, именно детская информационная безопасность особенно хорошо показывает, зачем сегодня нужны профессиональные связи. Цифровая среда уже стала глобальной. Значит, сохраняя собственные национальные подходы, законодательство и ценности, мы одновременно должны уметь обмениваться знаниями и практическим опытом с теми, кто сталкивается с теми же проблемами в других странах.